

ЭРИК ХОБСБАУМ

ERIC HOBSBAWM

Fractured Times

Culture and Society in the Twentieth Century

ЭРИК ХОБСБАУМ

Разломанное время

Культура и общество в двадцатом веке

Перевод с английского
Николая Охотина

издательство АСТ

Москва

УДК 008
ББК 71.0
Х68

This edition published by arrangement with DAVID HIGHAM ASSOCIATES LTD
and SYNOPSIS LITERARY AGENCY

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Хобсбаум, Эрик.

Х68 Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке / ЭРИК ХОБСБАУМ; пер. с англ.
Н. ОХОТИНА. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-17-086564-2

“Разломанное время”, последняя книга одного из самых известных историков нашего времени Эрика Хобсбаума, в полной мере отражает оригинальность его критического взгляда, фундаментальное знание истории культуры, структурную четкость и страстную, емкую манеру изложения.

Анализируя самые разные направления и движения в искусстве и обществе — от классической музыки до художественного авангарда 1920-х, от модерна до поп-арта, от феминизма до религиозного фундаментализма, Хобсбаум точно определяет поворотные моменты эпох и устанавливает их взаимосвязь.

Сочетание левых убеждений и глубинной связи с культурой до- и межвоенной Центральной Европы во многом объясняются биографией Хобсбаума: ровесник революции 1917 года, он вырос в еврейской семье в Берлине и Вене, с приходом нацистов эмигрировал в Великобританию, где окончил Кембридж и вступил в Компартию.

Его резкие высказывания нередко вызвали споры и негодование. Однако многочисленные исторические труды Хобсбаума, в первую очередь трилогия по истории “длинного девятнадцатого века” (“Век революции”, “Век капитала” и “Век империи”) и “Эпоха крайностей” о “коротком двадцатом”, стали общепризнанными вершинами мировой историографии.

Глубоко зная прошлое, он сумел разглядеть и предсказать многие заблуждения современного общества так проницательно, как мало кому удалось.

УДК 008
ББК 71.0

ISBN 978-5-17-086564-2

- © Bruce Hunter and Christopher Wrigley, 2013
- © Н. Охотин, перевод на русский язык, 2017
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО “Издательство АСТ”, 2017
- Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>Благодарности</i>	7
Предисловие	9
Глава 1. Манифесты	17

Часть I

Сегодняшние затруднения “высокой культуры”

Глава 2. Куда движутся искусства?	27
Глава 3. Век культурного симбиоза?	40
Глава 4. Зачем проводить фестивали в XXI веке	55
Глава 5. Политика и культура в новом столетии	65

Часть II

Культура буржуазного мира

Глава 6. Итоги Просвещения: эмансипация евреев с начала XIX века	85
Глава 7. Евреи и Германия	104
Глава 8. Судьбы Центральной Европы	112

Глава 9. Культура и гендер в европейском буржуазном обществе 1870–1914 годов	125
Глава 10. Ар-нуво	148
Глава 11. Последние дни человечества	165
Глава 12. Культурное наследие	179

Часть III

Неопределенность, наука, религия

Глава 13. Тревожное будущее	197
Глава 14. Наука: ее социальная функция и изменение мира ...	209
Глава 15. Мандарин во фригийском колпаке: Джозеф Нидэм ..	226
Глава 16. Интеллектуалы: роли, функции и парадокс	237
Глава 17. Перспективы общественной религии	248
Глава 18. Искусство и революция	272
Глава 19. Искусство и власть	279
Глава 20. Крах авангарда	292

Часть IV

От искусства к мифу

Глава 21. Из искусства в поп-арт: взрыв в культуре	315
Глава 22. Американский ковбой: международный миф?	328

<i>Примечания</i>	350
<i>Даты и источники первоначальной публикации</i>	361
<i>Предметно-именной указатель</i>	365

Благодарности

Я хотел бы выразить признательность Зальцбургскому фестивалю и в особенности его президенту г-же Хельге Рабл-Штадлер, а также профессору Университета Зальцбурга Хайнриху Фишеру; газете *London Review of Books*, напечатавшей некоторые из глав до появления книги; Розалинде Келли, Люси Доу и Зоэ Сазерленд, оказавшим мне помощь в моих изысканиях и редактировании текста, и Кристине Шаттлворт за блестящие переводы. Я также приношу свои извинения Марлен за то, что уделил работе над этой книгой больше внимания, чем следовало.

Предисловие

И мы с тобой как в смеркшейся стране,
Огнем и лязгом сметены туда,
Где бьется насмерть темная орда.

МЭТЬЮ АРНОЛЬД. *Дуврский берег**

Эта книга о том, что случилось с искусством и культурой буржуазного общества после того, как с уходом поколения 1914 года само это общество навсегда перестало существовать. Об одном аспекте того глобального тектонического сдвига, который постиг человечество с 1950-х, когда Средневековье внезапно закончилось для 80% населения земного шара, о 1960-х, когда правила и условности человеческих отношений, очевидно, устарели разом и повсюду. Следовательно, эта книга также и об исторической эпохе, которая потеряла свои ориентиры и в начале нового тысячелетия с тревогой всматривается в едва различимое будущее, без карты и компаса, с растерянностью, какой я не припоминаю за всю свою долгую жизнь. Поскольку время от времени я как историк размышлял и писал о любопытном переплетении общественной реальности и искусства, в конце прошлого века ко мне обратились организаторы Зальцбургского фестиваля, этого примечательного обломка “Вчерашнего мира” Стефана Цвейга (он и сам

* Перевод А. Цветкова.

был с фестивалем в значительной степени связан), где меня пригласили выступить с рядом лекций. Эти зальцбургские лекции составляют начало данной книги, написанной между 1964 и 2012 годами. Более половины их никогда ранее не публиковались, во всяком случае на английском языке.

Книга начинается с недоверчивого восхищения в адрес манифестов XX века. Главы 2–5 представляют собой реалистические размышления о ситуации в искусстве в начале нового тысячелетия. Без погружения в исчезнувший мир прошлого в этом не разобраться. Поэтому главы 6–12 посвящены этому миру, сформировавшемуся в основном в Европе XIX века, где были заложены не только “классические” каноны музыки, оперы, балета и драматургии, но и в ряде стран — основы языка современной литературы. Иллюстрации я в основном черпаю из той области, которая сформировала мой собственный культурный фон — это немецкоязычная Центральная Европа, — но беру в расчет и все “бабье лето” (или *belle époque*) этой культуры в последние десятилетия перед 1914 годом. В конце я размышляю о культурном наследии этой эпохи.

Мало что может сравниться сегодня по популярности с пророческим описанием Маркса экономических и социальных последствий капиталистической индустриализации Запада. Но когда в XIX веке европейский капитализм воцарился на земном шаре, судьбу которого ему предстояло изменить завоеваниями, техническим превосходством и глобализацией экономики, он принес с собой внушительный груз условностей и ценностей, которые, разумеется, считал более значимыми, чем все остальные. Договоримся называть это “европейской буржуазной цивилизацией”, которая так и не оправилась после Первой мировой войны. Этот самоуверенный взгляд на мир отводил науке и искусству столь же значимое место, как и вере в прогресс и просвещение, и они поистине были духовным ядром, заменившим традицион-

ную религию. Я родился и вырос в этой “буржуазной цивилизации”, символом которой стало кольцо общественных зданий середины века, окружающее средневековый и имперский центр Вены: биржа, университет, Бургтеатр, монументальная ратуша, парламент в духе классицизма, колоссальные музеи истории искусств и естественной истории, стоящие друг напротив друга, и, конечно же, сердце каждого уважающего себя буржуазного города XIX века — Гранд-опера. В этих местах “культурные люди” припадали к алтарю культуры и искусства. Храмы вписывались в этот ландшафт лишь как запоздалая дань связи между церковью и императором.

Несмотря на свою новизну, этот культурный ландшафт был глубоко укоренен в старой княжеской, королевской и церковной культуре до Французской революции, то есть в мире власти и чрезмерного богатства, патронирующих высокую культуру. В значительной степени он сохраняется и сегодня благодаря связи престижности в традиционном понимании и финансовой власти, демонстрируемой публично, однако эта связь уже не имеет отношения к авторитету духовному или полученному по праву рождения. Возможно, по этой причине эти ценности пережили относительный упадок Европы и по сей день остаются квинт-эссенцией культуры, в которой власть и обширные расходы сочетаются с высоким социальным престижем. В этом смысле высокое искусство, подобно шампанскому, остается евроцентричным даже в эпоху глобализации.

В заключение этого раздела приводятся размышления о наследии этого периода и связанных с ним проблемах.

Как XX век пережил крах традиционного буржуазного общества и присущих ему ценностей? Этой теме посвящены восемь глав третьего раздела книги, где освещается широкий спектр реакций на конец эпохи. Среди прочего мы рассмотрим воздействие научных достижений XX века

на цивилизацию, которая, несмотря на свою приверженность прогрессу, не смогла их до конца осознать и сама понесла от них ущерб; увидим диалектику религии в эпоху повсеместной секуляризации; проследим за тем, как искусство потеряло свои привычные ориентиры, но не смогло нащупать новые ни в рамках “модернистского” или “авангардистского” соревнования с технологиями в погоне за прогрессом, ни в союзе с властью, ни в безвольном смирении перед законами рынка.

Что же пошло не так у буржуазной цивилизации? С одной стороны, ее локомотивом было производство, разрушающее и преобразующее все вокруг, а с другой — все ее действия, институты, политические системы и шкалы ценностей создавались меньшинством и для меньшинства, численность которого, впрочем, могла расти — и росла. Это меньшинство как было, так и осталось по сей день по сути меритократичным, то есть отрицающим равенство и демократию. Вплоть до самого конца XIX века буржуазия (или высший средний класс) все еще представляла из себя довольно узкий слой общества. В 1875 году в хорошо оснащенной школами Германии гуманитарные гимназии (средние школы) насчитывали всего 100 000 учеников, и лишь часть из них доучивалась до экзамена на аттестат зрелости. В университетах же обучалось всего около 16 000 студентов. Даже на пороге Второй мировой войны в Германии, Франции и Британии — трех самых больших, развитых и образованных странах с общим населением в 150 миллионов человек — насчитывалось не более 150 000 университетских студентов, что составляло 0,1% совокупного населения. Впечатляющее расширение среднего и, главным образом, высшего образования после 1945 года значительно умножило число образованных людей, т. е. людей, в целом обученных школьному минимуму XIX века, но обяза-

тельно число людей, легко ориентирующихся в этих дисциплинах.

Совершенно очевидно, что опасность для этой системы должна была появиться со стороны большинства, остающегося за границами элиты. Оно могло бы стремиться к прогрессивному обществу равенства и демократии, вне- или посткапиталистическому, подобно социалистам, но последние переняли многие ценности буржуазного “модернизма” и в этом отношении уже не могли обеспечить заметной альтернативы. В самом деле, с культурной точки зрения целью “политически сознательного” активиста социал-демократических убеждений было обеспечение рабочего класса свободным доступом к этим ценностям, что и осуществляла местная власть с социалистическим уклоном.

Парадоксальным образом, подлинное развитие отдельных субкультур того времени, таких как профессиональный футбол вместе с его публикой, считалось политически незначимыми и незрелыми отклонениями. Насколько мне известно, необычное пристрастие к футболу среди венского пролетариата во времена моего детства считалось чем-то само собой разумеющимся и никак не связанным со столь же одержимым голосованием за социал-демократов.

Основной тезис собранных здесь статей состоит в том, что логика капиталистического развития и самой буржуазной цивилизации изначально была запрограммирована на уничтожение их собственной базы — общества и институтов, управляемых прогрессивным элитарным меньшинством с молчаливого согласия или даже одобрения большинства, по крайней мере до тех пор, пока система гарантировала стабильность, мир и общественный порядок, а также удовлетворяла скромным ожиданиям беднейших классов. Эта система не могла противостоять тройной объединенной атаке: научно-технической революции XX века,

преобразившей старые методы зарабатывания на жизнь, перед тем как их уничтожить; общества массового потребления, возникшего из взрывного роста западных экономик; окончательного выхода масс на политическую сцену в роли клиентов и одновременно избирателей. XX век, или точнее — его вторая половина, стал веком западного обывателя и, хоть и в меньшей степени, обывательницы. XXI век глобализовал это явление. Он также выявил дефекты политических систем, отождествляющих демократию с эффективным всеобщим голосованием и представительной властью, в особенности с учетом того, что политика и структура управления остались невосприимчивыми к глобализации и лишь усилились в процессе универсальной трансформации планеты в совокупность суверенных “национальных государств”. Более того, у властных или по меньшей мере господствующих элит, старых или новых, нет никакой стратегии, а если они и утверждают, что есть, — то им недостает сил для действия.

С культурной точки зрения столетие обывателей и обывательниц дало куда более положительный результат, хотя и свело общество потребителей классической буржуазной высокой культуры к узкой нише стариков, снобов или богачей в погоне за престижем. К началу 60-х классическая музыка составляла всего 2% в общем объеме выпускаемых записей, и в основном это были сочинения, написанные до XX века, — потому что музыкальный авангард никогда не имел достаточной аудитории. Соединение новых технологий и массового потребления не только произвело тот общий культурный ландшафт, в котором мы живем, но и привело к его величайшему и наиболее оригинальному художественному достижению — кинематографу. Отсюда главенство демократических США в глобальной медиадеревне XX века, их оригинальность в новых фор-

мах художественного творчества — в манере письма, музыке, театре, смешивании традиций образованного класса и “уличного”, — но также и огромная сила соблазна, которой они обладают. Развитие обществ, в которых техно-индустриальная экономика затопила нас постоянным и вездесущим потоком информационной и культурной продукции — звуками, образами, словами, воспоминаниями и символами, не имеет прецедентов в истории. Это полностью изменило наш подход к восприятию реальности и искусства, лишив последнее его традиционно привилегированного статуса, каким оно обладало в старом буржуазном обществе, т. е. функции мерил добра и зла, носителя ценностей — истины, красоты, очищения.

Этот статус может оставаться прежним для посетителей Уигмор-холла*, но он несовместим с базовым допущением рыночного общества, а именно, что личное удовлетворение — единственно достижимое ощущение, данное в опыте. Как сказал Джереми Бентам (точнее, как его пересказал Джон Стюарт Милль), “игра в «собери булавки» ничем не хуже поэзии”. Разумеется, это не так, даже если мы недооцениваем степень сплавления солипсизма общества потребления с ритуалами коллективного участия и самовыпячивания, как общепринятыми, так и подпольными, присущими нашим шоу-бизнес-государствам и гражданским обществам. Другое дело — если буржуазное общество считало, будто знает, о чем и для чего культура (как сказал Т. С. Элиот, “В гостиной дамы тяжело / Беседуют о Микеланджело”**), у нас уже не осталось ни слов, ни концептов для этого совершенно изменившегося пространства нашего опыта. Сам вопрос “А это искусство?”, скорее все-

* Главный концертный зал Лондона, где проходят концерты камерной и хоровой музыки. — *Прим. пер.*

** Перевод А. Сергеева.